

ЧИТАЯ ЖИЗНЬ СВОЮ

Рубен Варосович Зарян, директор Института искусств Академии наук Армянской ССР, член-корреспондент АН Армянской ССР, доктор искусствоведения, профессор, стал лауреатом Государственной премии Армении 1981 года за цикл работ, вошедших в его знаменитую Шекспириану. Наш корреспондент Н. Саакян обратилась к Рубену ЗАРЯНУ с просьбой рассказать о том, какими путями пришел он к своим выдающимся трудам по искусству.

— «Все будет так, если даже будет не так». Этот древний восточный афоризм все время приходит мне на память, когда я думаю о своей жизни, о том, как сложилась судьба. Театр, Шекспириана — сколь долго и каким извилистым путем шел я к самому главному в своей жизни. Начав с театра, потом целый большой кусок жизни я был от него оторван. Но то, что дремлет под спудом, то потом все равно прорывается и, как я заметил, с удвоенной силой. Пружина сдерживания отдается потом особенным рвением. Словом, от самого себя не уйдешь. Но попробую пролистать жизнь по порядку, начав с ранних впечатлений.

Я первый гуманитарий в нашем роду. Дед мой по матери был газанджи (отливщик котлов), поэтому фамилия родовая была Газанджяны. Это был человек зажиточный и потому не очень охотно выдал свою дочь за моего отца, скромного специалиста по сельскому хозяйству. Но отец был пыллив и настойчив. Из Карса он переехал в Александрополь, где я и родился, а затем был приглашен на работу в Тифлис, где мы жили открытым, гостеприимным домом. Помню в гостях у отца Ованеса Туманяна, Гарегина Левоняна, Дереника Демирчяна. Помню картины Башинджагяна на стенах.

Однако скоро благополучию пришел конец, и мы переехали в Авлабар, где жили уже трудно. Но юность есть юность. Тифлису 20-х годов я обязан своим развитием. Театр, писатели, художественный мир — все пыталось мои интересы. Впервые в Тифлисе увидел я Чаренца, Ширванзаде, Исаакяна. А знаменитый Айартун (дом армянского искусства) — кого только не встречал я там, сразу же став его завсегдатаем! Эта была удивительная школа, все уроки которой резко запоминались. Еще бы: раскованная художественная атмосфера, горячие споры, бескорыстие и чистая влюбленность в искусство. Погос Макинцян, Арутюн Сурхатян, знаменитый (и непревзойденный, на мой взгляд) ритор, психолог, литературовед Аршавир Меликян.

В театре еще в отрочестве я видел Ованеса Абеяна, Ваграма Папазяна, Исаака Алиханяна. Это была уже не просто школа. Интуитивно я

нащупывал свое призвание. Под воздействием игры Папазяна я решил стать актером и вступил в драматическую студию Айартуна, которой руководил тогда только что вернувшийся из Москвы Вардан Аджемян. Аджемян сразу понял, что актера из меня не получится. Часто бывал я и на спектаклях грузинской драмы, видел Хораву. Но самыми моими любимыми грузинскими актерами остались Верико Анджапаридзе и Ушанги Чхеидзе. Во второй половине 20-х годов на гастроли в Тифлис приехали труппа Мейерхольда и Камерный театр Таирова. Это тоже одно из самых сильных впечатлений моей жизни. Мейерхольд или Папазян? Чаренц или Терян? Вот вопросы, стоявшие тогда перед молодым поколением. Как всякий юноша, я рвался вперед, к новому, к впечатляющему, броскому. Чаренц и Мейерхольд, новый язык поэзии и театра. Сколько новаций! Но в глубине души я, видно, всегда питал склонность скорее к классическому искусству, к эпике высокой и сдержанной.

Учился я в 76-й трудовой школе Тифлиса. Учеником был нерадивым. Сегодня жалею об этом, ибо самообразование — вещь, конечно, неполная. Потом перевелся в педагогическое училище. Кто из моих учителей мог ждать от меня в дальнейшем трудов по искусству? Никто, конечно. Но душа идет своим путем. Вот что значит возраст.

После училища три года учительствовал в Ахалкалаки, на родине матери. Гора Абул и Парвана Ованеса Туманяна, и терьяновская Гандза неподалеку. Эти три года были одними из лучших в моей жизни. Затем уже в Ереване я поступил на филологический факультет университета. За два с половиной года прошел курс пяти лет. Общая подготовка была достаточной, да и годы учительства сказались. После университета я был назначен в «Айпетрат» заведующим отделом художественной литературы, который до меня возглавлял Чаренц. Десять лет я отдал «Айпетрату» одновременно являясь редактором журнала «Советакан граканутюн». Но судьба возвращает все на круги своя. И вот когда в 1942

году Аршак Бурджалян поставил в театре им. Сундукяна «Гамлет» с Вагаршем Вагаршяном и Гургеном Джанибеком, я выступил с устным разбором, который вызвал оживленное обсуждение. И я опять оказался в родной стихии. Тогда же я впервые задумался о причинах любви армян к Шекспиру. Причин этих три. Во-первых, Шекспир очень созвучен нашим историческим национальным проблемам, которые собственная наша драматургия всегда решала куда слабее. Во-вторых, такой подарок судьбы как переводчик Масаен, сумевший передать Шекспира так, что этот текст кажется родившимся именно на армянском языке. И в-третьих, великие актеры, не переводившиеся на армянской сцене — Сирануйш, Абеян, Грачья Нерсисян и среди них два гениальных — в XIX веке Петрос Адамян и в XX веке Ваграм Папазян.

Итак, я снова оказался в родной стихии театра. Я стал лектором театрального института. В 50-х годах перевелся в театральный сектор Академии наук. В 1958 году сектор стал институтом. Этой своей инициативой я очень горжусь. Нас было тогда 18 человек, а сегодня стало больше ста. Институт наш известен теперь во всем мире, особенно благодаря симпозиумам по армянскому искусству, которые проводятся в Италии и Ереване. Мы поднесли в дар Италии один из средневековых армянских хачкаров.

Еще в бытность мою в «Айпетрате» я заинтересовался фигурой Хачатура Абовяна. Нашему поколению выпала честь освободить эту великую судьбу от наслоения вульгарной социологии. Я написал о жизни Абовяна книгу. Она выдержала четыре издания, что немало для небольшой Армении. В этой биографии меня интересовало все — его подвиг, его психологическое состояние, его натура. Создавая эту книгу, я сам очищался, как это нередко бывает с биографиями и портретами. Это был мой Абовян, как, помните, Цветаева назвала цикл своих эссе и стихов «Мой Пушкин». Десять лет своей жизни я посвятил Абовяну. И затем вернулся в театр. Годы шли незаметно, и однажды я увидел, что моя работа о Петросе Адамяне выросла в два больших тома, а Сирануйш и Папазян получили по тому. Петрос Адамян высоко и победно пронес честь Армении по театрам России, где в его время гастролировали Сальвини, Эрнест Поссарт, Людвиг Барнай. Русская пресса ставила его наравне с ними.

Что же касается Сирануйш, то редко какая актриса добивалась такой выразительности на сцене, причем, не только в женских ролях. Ваграм Папазян уже вышел на рубеж театров мира, то есть необычайно расширил рамки знакомства с армянской культурой. Я вот мечтаю сегодня о свободном времени, чтобы засесть за воспоминания о Папазяне, с которым был очень близок. Да все дела, дела...

В 1964 году исполнилось 400 лет со дня рождения Шекспира. Ночью, после своего юбилейного выступления в театре оперы и балета имени Спендиарова, я отделил в своей домашней библиотеке все книги самого Шекспира и посвященные ему. Их набралось 67. Вскоре в газете «Айреники дзайн» появилось интервью, где говорилось, что Рубен Зарян в своем институте собирает шекспировскую библиотеку. Отовсюду посыпались дары — и со всего Союза, и из-за рубежа, и из спюрка. Шекспировские библиотеки есть в Веймаре, Бирмингеме, Вашингтоне. Наша, ереванская, стала четвертой. Через три года я решил, что исследования о Шекспире надо выделить в отдельный сектор. Так возник Шекспировский центр. Центр выпустил уже шесть сборников.

В заключение я хотел бы поговорить об искусстве риторики. Особенно мне хотелось бы поделиться этим с молодыми. Умение говорить красиво уже само по себе редкость. А умение говорить красиво и умно — ценнейший дар.

Надо бы ввести на наших гуманитарных факультетах курсы старой славной риторики, если мы хотим культуры общения. Кроме того, некоторые общественные должности просто требуют раторов. Почему я это говорю? Да потому, что, к сожалению, сам я свое красноречие не оттачивал, риторики не изучал, до всего доходил стихийно. Я не против самообразования, но образование — все же фундамент.

Вот часто думаю — да, я доктор наук, профессор, даже академик. Но человек ли я науки? Правда, и наука наша так близка художеству — искусствоведение. Но нет, я не совсем ученый, скорее художник по натуре. Весь вопрос — в какой именно области? На Западе это порой называют философской эссеистикой. Так писал Рескин. Видимо, это стык между наукой и искусством. А может быть, это интуитивное воспоминание о древней традиции человечества — исследовать, познавать и закреплять это познание поэтическим языком. Говорил же Юрий Олеся, что всякая совершенная мысль тотчас же принимает форму стиха. Все предписания тибетской медицины (а это сотни томов) написаны стихами или ритмизованной прозой. Ну раз уж медицина, подумал я, то искусствоведению сам бог велел...